ПИОНЕР

№ 19

ИЗДАНИЕ „КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ"
ОКТЯБРЬ
1932

П 29
34

ПЛАМЕННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ ДОРОГОМУ М. ГОРЬКОМУ В ДЕНЬ ЕГО ЮБИЛЕЯ

ПИОНЕР

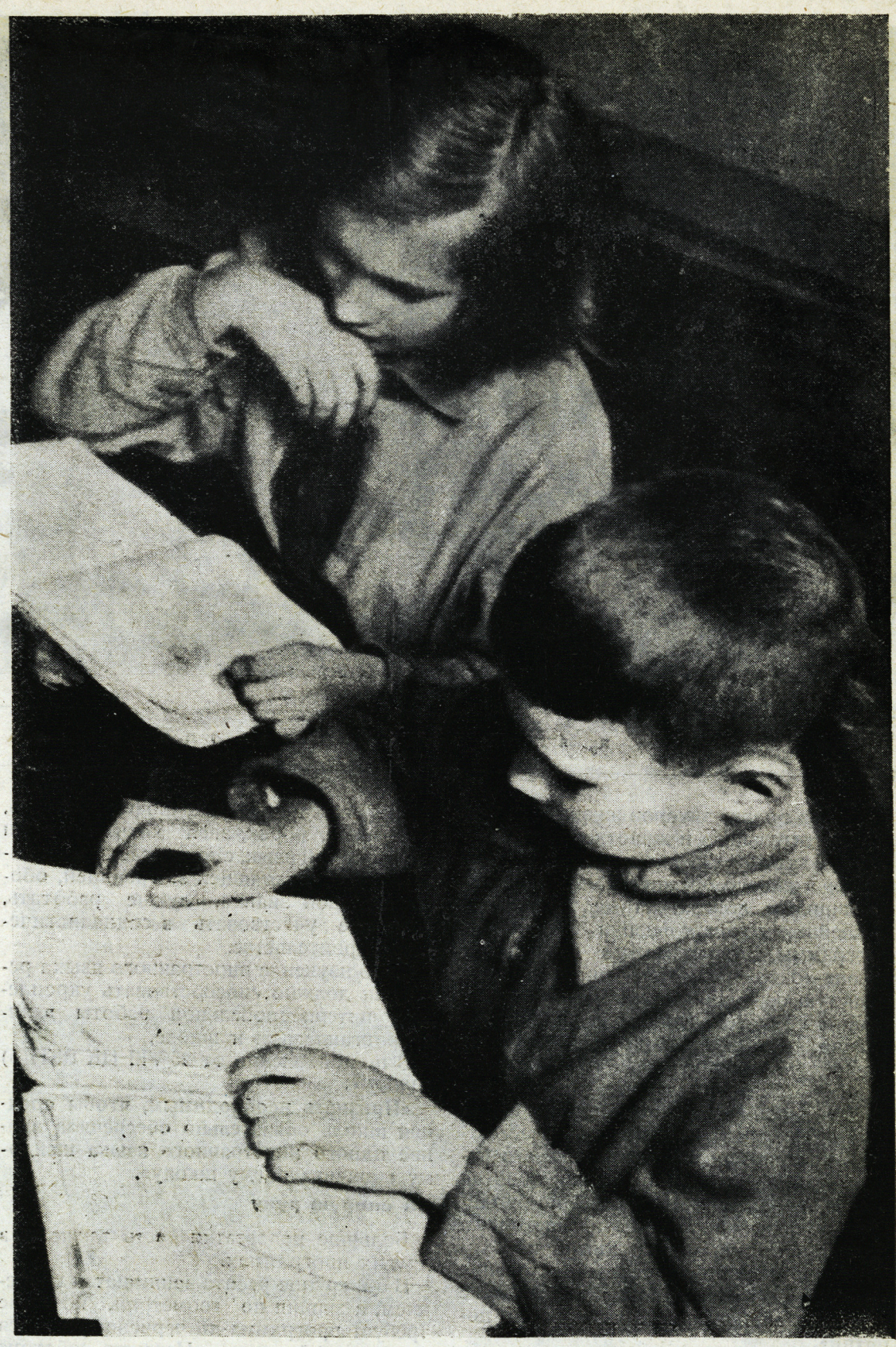
боевой и старейший общественно - литературный журнал пионеров и

№ 19

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени Ленина при ЦКВЛКСМ

ии: Новая площадь, дом № 10

П 29
34



ТО, ЧТО МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ

Недавно приезжавшие в Москву шведские пионеры рассказывали о том, что во многих школах Швеции учителя географии, говоря о СССР, называют нашу страну Россией, а Ленинград—Петроградом.

Я спросил у шведских ребят:

— Почему так делают ваши учителя?

И вот что они мне ответили:

— Многие из наших учителей боятся преследований и поэтому скрывают от ребят правду о Советском союзе. Мы даже карту СССР почти не изучаем.

Капиталисты не хотят, чтобы дети трудящихся получали в школе настоящие знания. Капиталисты знают, что знания могут стать грозным оружием в руках рабочего класса.

В Советском союзе никто не может помешать детям трудящихся овладевать этим оружием.

Программы в советских школах должны быть построены так, чтобы обеспечить учащимся действительное усвоение основ наук.

Отвечают ли наши программы этому требованию?

Нет, не совсем.

Возьмем хотя бы ту же географию. Придем с программой по географии в 7-ю группу любой школы, обратимся к кому-нибудь из учеников, скажем к Иванову, и попросим его отправиться в путешествие по карте из Архангельского порта. Пусть прокатится Иванов в Нью-Йорк, завернет на мыс Доброй Надежды, посмотрит, что делается в Сиднее, пройдет через узкую полосу Суэца, минует Малую Азию, станет на ремонт со своим пароходом в Севастополе, а потом мимо Греции, Югославии, Италии, Франции, Испании, Португалии, Англии, Дании, Швеции, Германии, Польши придет в Финский залив и останется на зимовку в Ленинградском порту.

Боюсь, что заблудится наш т. Иванов, не выходя из класса, на карте двух полушарий земли. Либо попадет он в неизвестное ему морское течение, либо откроет новые проливы там, где их никогда не было, либо просто скажет:

— Географию-то мы в школе учим, а с картой знакомы плохо.

В своем постановлении от 25/VIII 1932 г. ЦК ВКП(б) пишет, что **«по географии—программа должна обеспечить знание карты, в особенности карты СССР, основных понятий физической географии, основных элементов физической, природной и экономической географии СССР как в целом, так и каждой из республик, краев и областей в отдельности; в учебные программы по географии должны быть включены в надлежащем об'еме знания по географии капиталистических стран».**

Какие бывают клетки

Каждый знает, что кирпичные дома строятся из кирпича, деревянные— из дерева, железобетонные — из бетона. И каждому понятно, что качество постройки зависит от качеств и свойств строительного материала.

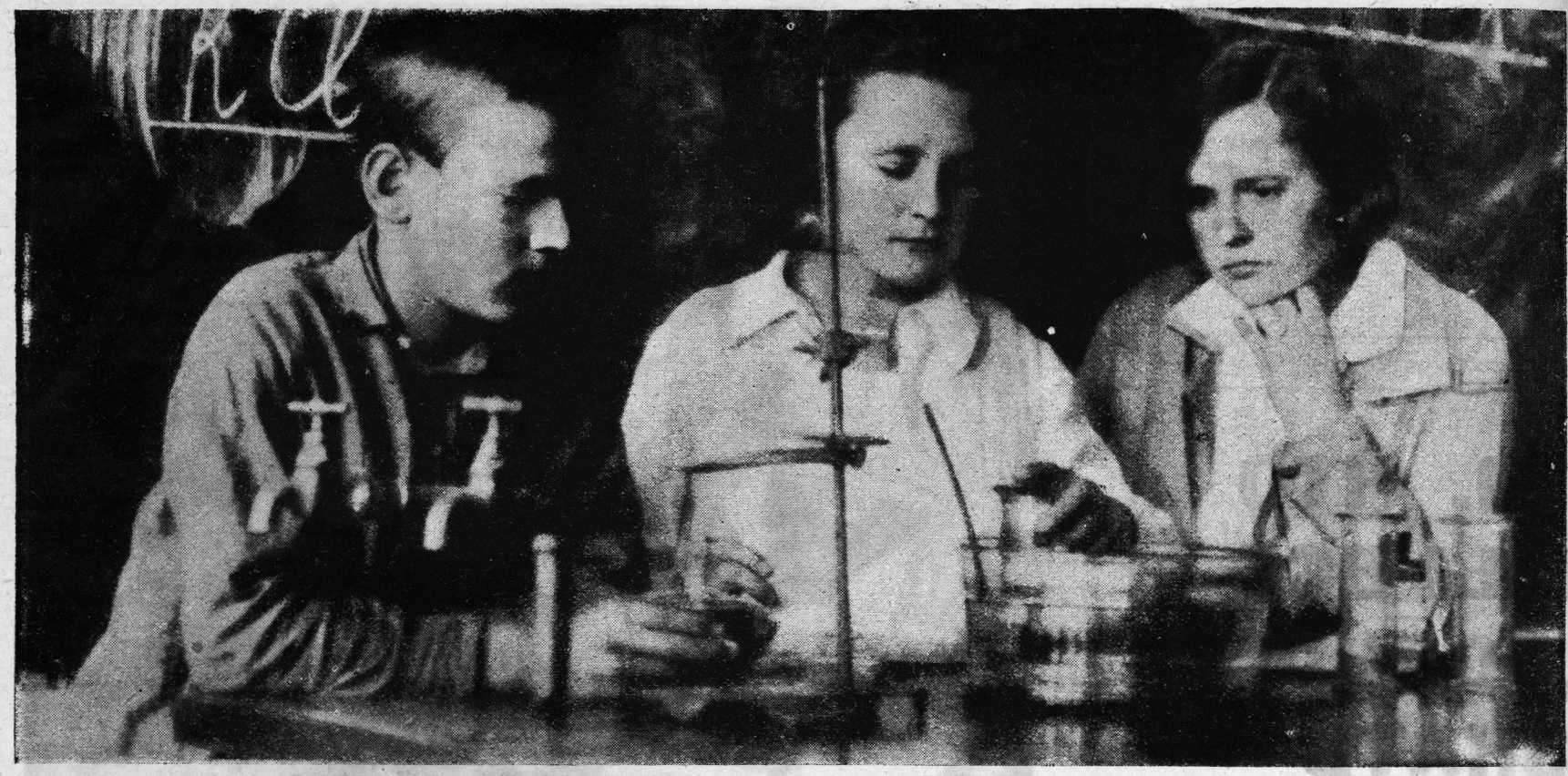
Биология—наука о жизни. Ребята в школе изучают биологию.

Изучают строение организма животных и человека, жизнь растений, насекомых, животных, изучают происхождение различных видов—эволюционное учение. Изучают живые организмы от самых больших, как например тигр и слон, до самых маленьких, как например туфелька, амеба.

Ребята узнают в школе, что каждый живой организм состоит из клеток. Но строение клетки и ее жизнь, ее свойства ребята знают плохо.

Ведь был же случай, когда один ученик путал клетку и грудную клетку, совершенно не понимая назначения ни той ни другой.

Г.П.Б. в Лнгр. Ц
0.9.1932 г.



Школьники в химической лаборатории добывают кислород

Нельзя понять законов жизни и развития растительного и животного мира, не изучив законов жизни и развития первичного живого организма—клетки.

Слишком поверхностные знания о важнейших законах физики дают наши программы, так например о важнейшем законе—законе Ньютона—знания ребят зачастую ограничиваются рассказом о том, что Ньютон, глядя на падающие яблоки, открыл закон всемирного тяготения. До сих пор очень отрывочные, мало систематизированные знания давались в нашей школе по химии. И в своем постановлении ЦК ВКП(б) указывает:

«В программах по физике—ввести отсутствующие элементы статики, понятие о силе, о законах Ньютона; по биологии—понятие о клетке и клеточном строении организма; по химии необходимо более систематическое построение программы, рассчитанное на твердое усвоение элементарных химических понятий».

Язык мой—друг мой

Во всех школах СССР преподаются иностранные языки. По большей частью или немецкий или английский. По нескольку лет ребята занимаются диктантами, чтением учебника, изучением грамматики, а если дать окончившему школу газету или книжку на том языке, который он 4—5 лет подряд изучал, то сплошь и рядом человек двух слов прочесть не может.

Тут—две причины: во-первых, скверное отношение самих ребят к изучению иностранных языков, а во-вторых, значительные недостатки, которые были в программах по немецкому и английскому языкам.

Для социалистического строительства знание каждым трудящимся хотя бы одного иностранного языка имеет громадное значение.

Инженер, техник, врач, агроном, тракторист, слесарь, летчик, шофер, учитель, журналист, моряк, зная хотя бы один иностранный язык, сможет следить за литературой, выходящей за границей, обогащать свои знания, лучше работать, успешнее участвовать в социалистическом строительстве.

Само изучение иностранного языка ребятами должно способствовать укреплению интернациональной работы в пионерорганизации и школе.

В постановлении от 25/VIII ЦК ВКП(б) говорит:

«Признать необходимым, чтобы средняя школа обязательно обеспечила знание одного иностранного языка каждому оканчивающему школу».

На скорую руку

Большие недостатки есть также и в других программах.

В 5-й группе ребята занимаются черчением, а знания по геометрии, которые требует программа по черчению, даются только в 6-й группе. Неважно обстоит дело и с историей.

Слишком мало получают ребята фактического материала.

А общие представления об истории, о ходе исторического развития далеко недостаточны, поверхностны и зачастую способствуют развитию верхоглядства.

Программы по родному языку и по математике перегружены учебным материалом.

Ребята не могут справиться с этим материалом и поэтому вместо глубокого настоящего изучения поверхностно усваивают эти дисциплины, не приобретают необходимых навыков в математике и родном языке—в чтении, в письме.

В своем постановлении от 25/VIII ЦК ВКП(б) предлагает Наркомпросу исправить все эти недостатки школьных программ.

ЦК ВКП(б) указывает также на необходимость переработки учебных программ по труду с тем, **«чтобы обеспечить действительное соединение обучения с производительным трудом и изучение в теории и на практике главных отраслей производства» (программа ВКП(б), руководствуясь указаниями Ленина, что политехнический принцип «не требует обучения ВСЕМУ, но требует обучению ОСНОВАМ современной индустрии вообще».**

Вот какие недостатки есть в наших программах. К 1 января Народный комиссариат просвещения должен будет программы переработать.

Программы, по которым мы занимаемся сейчас и которые будут переработаны, сильно отличаются от программ буржуазной школы.

По программам нашей советской школы обучаются люди, которые должны стать всесторонне развитыми, владеющими основами наук строителями социализма в СССР и борцами за мировой коммунизм.

Приезжавшие в Москву шведские пионеры не имеют возможности пока учиться тому и учиться так, как учатся пионеры и школьники Страны советов.

Они помимо школы и вопреки школе стараются овладевать знаниями, необходимыми им для борьбы с капитализмом.

Они подвергаются за это преследованиям, они вычеркивают на старых картах слово Россия и пишут «Союз советских социалистических республик».

Мы имеем все возможности для овладевания знаниями. Мы должны с жадностью брать их.

Мы должны пять частей света знать, как своих пять пальцев, и мы должны знать, как устроены наши пять пальцев. Математика, физика, химия, иностранный язык—все это наше оружие.

Пионеры и школьники должны в совершенстве овладеть этим оружием.

Д.

ПЕРЕКЛИЧКА ШКОЛЬНИКОВ

Почему не обратит внимания на нашу школу? Тесно у нас ужасно. Ребята на переменах бузят. В раздевалке творится такое безобразие, что рассказать трудно. Ребята, пользуясь теснотой и неорганизованностью, проделывают разные эксперименты с карманами. Можно сказать «практикуются», может быть пригодится. После того, как стали исчезать наши фуражки и после воровства из карманов, мы пробовали поднять этот вопрос, но пока ничего из этого не вышло. «Пионер», помоги нам!

6-я школа Краснопресненского района

Наша семья вся вступила в колхоз. Отец до сих пор был против колхоза. Когда я приходил в школу, мне колхозные ребята рассказывали о работе их семей и о том, что они стали значительно лучше жить, но я тоже недоверчиво относился: «Заливают!», думал я.

Брат, который работает в городе, уговорил отца.

Теперь мы—колхозники! Работали всей семьей дружно и старательно. Правление выдало нам аванс по 1 р. 50 к. за трудодень, а их у нас оказалось 400, следовательно мы получили 600 руб. Кроме того мы получили овощи, огурцы. Сделали запасы на зиму, а остальное продали на колхозном базаре.

Я и сестренка теперь будем иметь валенки и теплые пальто, чтобы ходить в школу. Теперь в школе и я буду агитировать за колхоз!

Колхоз «Крестьянская газета», Московская обл. **Ваня Перцов**

Я учился в 25-й ФЗС Октябрьского района. Но теперь нашу школу решили сделать «образцовой» и стали разгружать. Многих ребят перевели в 17-ю школу на Миуссы. Учиться будем в третьей смене—с 4½ до 10 час. Меня родители не пускают выходить так поздно по очень многим обстоятельствам.

Переведенные из нашей школы ребята оказались в таком же положении, как и я. И вот мы до сих пор не приступили к учебе. Я хотел пойти на производство, но отец говорит, что нужно сначала учиться.

Костя В—ов

Сегодня мы ходили на МТС, нас знакомили с хлебозаготовками, и мы узнали, что Клинская МТС к 15/IX уже выполнила по хлебозаготовкам годовой план. Здорово! Хорошо работает наша МТС. В школе нам дали задание—написать о впечатлениях экскурсии на МТС. Если у меня выйдет хорошо, я пришлю в журнал «Пионер».

г. Клин **Витя Сергеев**

Школьный сбор мы начали на 3 дня раньше, чем все города. Это мы сделали для того, чтобы медосмотр, расписания уроков, запись учебников, группировка по классам и группам прошли раньше. Зато мы с 1 сентября уже начали учиться по-настоящему. Дисциплина у нас налаживается, посещаемость тоже, очень стараемся наладить учебу.

г. Ленинград, 171-я школа **Круглов**

Мы налаживаем школьную жизнь. Поднимаем дисциплину и качество учебы. Много об этом говорим. А вот я нечаянно натолкнулась на один такой факт: Костя К—ов у нас в школе считается лучшим учеником, примерным пионером и общественником, с него мы все стараемся брать пример.

Прихожу я к Косте, чтобы взять учебник по математике, и слышу еще за дверями:

— Костя, не мешай!

И визгливый голос Кости: «Ах, умру, я, умру я...»

— Костя, мешаешь!

А голос Кости продолжает визгливо завывать, потом послышался стук и возня с ревом.

Я открыла дверь и вижу: на столе—облитая чернилами тетрадь костиной сестры, а Костя пробует свою физическую силу на младшей сестре и, вцепившись одной рукой ей в волосы, другой бьет по спине.

Я вскрикнула. Они разбежались. Катя плакала и жаловалась, а Костя удрал в коридор, так мне и не показался.

Я предлагаю устроить показательный суд над Костей сначала в школе, а потом—на страницах нашего журнала «Пионер».

г. Уральск **Шура Зверева**

Школьники ликвидируют обезличку парт, нумеруя их

В физической лаборатории

Работа с микроскопом над минералами

Мы с Гансом пошли в школу на Новоспасской улице, где обучаются дети иностранных рабочих и специалистов, приехавших к нам в Союз. Здесь—ребята из Германии, Швейцарии, Дании, Франции и других государств.

Сумеем ли мы поговорить там с ребятами? думал я, но, понадеявшись на Ганса, природного немца, успокоился.

Входя во двор школы, мы увидели младшую группу, занимавшуюся физкультурой, а после игрой—эстафетой. До нас доносились некоторые слова и выкрики ребят.

— Ганс! Переведи, что об'ясняет учитель,—обратился я к товарищу.

Ганс молчал и только смотрел вглубь двора.

— Ганс, а Ганс!—не отставал я от него.

— Я сам больше половины не разберу. Маленький был, понимал, а теперь забыл.

— А тоже немец!—уязвил я его.

Ганса задело за живое:

— А ты почему не понимаешь? Ведь в школе проходишь немецкий язык!

Мне тоже было неприятно слышать эти слова, но я был вполне с ним согласен и боялся, что он мне напомнит о последних отметках по немецкому языку.

Урок окончился, ребята, занимавшиеся физкультурой, пошли домой, а мы направились в здание школы.

У первого попавшегося пионера (на нем был надет красный галстук) мы спросили:

— Можно видеть вожатого?

Того, что он ответил, Ганс не понял, а я—тем более. Смутившись, мы стали подниматься на верхний этаж. На площадке играл в ручной мяч мальчуган.

— Давай, спросим его!—предложил я.

Но теперь мы решили действовать разумнее.

— Ты знаешь русский язык?—обратился я к мальчугану.

Мы не получили ответа. Подошел пионер, который слышал наш разговор.

Он рассказал нам, что почти каждый из учащихся ведет переписку со своими товарищами за рубежом или с целой пионерской группой.

— Недавно мы получили письмо от эскимосов, очень интересно, и теперь будем держать связь с ними.

Мы попросили его показать нам письмо, когда мы приедем в следующий раз.

— Обязательно,— сказал наш собеседник.

У нас еще было много вопросов, но наш новый товарищ торопился на урок, а поэтому мы решили приехать целым звеном в другое время и обменяться опытом в работе.

Идя домой, я предложил:

— Давай, в нашем отряде организуем кружок по изучению немецкого языка!

— Это будет очень хорошо,—согласился со мной Ганс.—А то так стыдно не понимать товарищей!

Слава Владистров
и мой товарищ **Ганс**

...На занятия в группу у нас явились все. Первый урок должен был быть по химии, но учитель опоздал, и с нами стали заниматься по математике. Учитель проверил знания ребят, которые перешли с работой.

Отвечали с большой уверенностью в правильности ответа. Учитель похвалил ребят за хорошую подготовку в лагере.

После занятий ребята увидели на черной доске фамилию учителя по химии. На следующий день не было ни прогулов ни опозданий.

Полтава **Мартынов**

...А какой у нас сегодня будет урок, чем мы будем заниматься?—спрашивали ученики своего педагога. — Чем-нибудь займемся! Вот сейчас я вас проверю по списку...

В классе стало шумно.

Ленка кричала больше всех и даже соскочила с места и подбежала к учителю.

— А будем мы в этом году читать Гоголя, Чехова?

— А что мы будем проходить по обществоведению?—кричал с первой парты Гришка Бедин, но учитель рылся в тетради и не находил списка. Пришлось составить новый. Так прошел первый урок. На следующем уроке говорили о дисциплине. Некоторые ребята рассказывали, как отдыхали летом. А с программой и расписанием так нас и не познакомили, так как учитель явился на занятие неподготовленным и даже не захватил с собой карандаша, взял у меня.

Ижевск **Леля Наумова**

В 1931 г. II городская партконференция Житомира постановила открыть детский кинотеатр. Театр был открыт при 2 КСМ кино. Театр работал 2 мес. За такое короткое время театр сумел заинтересовать ребят, организовав культпоходы, обсуждение фильм. Но благодаря «хорошему» руководству 2 КСМ кинотеатр заглох. 9-тысячная пионерия Житомира должна иметь свое кино. Мы требуем вновь его открыть. И мы свое кино будем иметь.

Житомир **Деткоры 7-ой ФЗС: Кизуб и Мильштейн**

ШКОЛА—КАЗАРМА

Из писем зарубежных школьников | **Рисунки В. Коновалова**

Семь часов утра. Звонок. Старший учитель Фишер показывается в дверях.

Один мальчик наклоняется к другому через скамью, чтобы что-то спросить. За это получает штрафную работу.

Следующий урок—гимнастика. Мы пошумели немного. За это учитель заставил нас стоять полчаса. Мы идем в классную комнату и получаем еще одну страницу штрафной работы.

Учитель очень любит говорить о нравственности и награждать нас пощечинами.

Пионер из Плацэнмитта

Один мальчик в нашем классе сказал несколько слов своему соседу. Это услышал наш учитель. Он подошел к нему и сказал: «Как вы смеете разговаривать на уроке?» Он поднял палку и ударил мальчика. У мальчика пошла кровь и ему сделалось дурно. 11 апреля 1932 г. в 11 час. утра учитель подскачил сзади к двум детям и ударил их по голове. Преступление их было очень велико—они смеялись.

Пионер из Бадена

В одной школе—нехристианской—в Лерране (Баден) пионер во время классных занятий принял сторону рабочих. За это он должен был по приказанию фашистской учительницы Гольцевич стоять целый час с высоко поднятыми руками.

Школа в Гогенлимбурге устраивала прогулку. Около горы дороги были в плохом состоянии. Учитель заставил учеников заполнять камнями рытвины и выбоины.

Один мальчик на это совершенно правильно заметил: «Мы не на принудительных работах». За это он получил от учителя пощечину.

Казалось, учитель мечтает быть надзирателем в лагере принудительных работ или унтер-офицером в казарме и уже теперь начинает упражняться в этом искусстве.

Однажды у нас в школе во время урока пения один мальчик тихо сказал другому несколько слов. Учитель, фашист Шефер, стащил его со скамьи и так высек, что тот громко кричал. А когда после этой экзекуции ученик сидел скорчившись, то учитель опять закричал на него:

— Сиди как следует! Пятки вместе! Или ты думаешь, я не был на военной службе?

Учителю кажется, что солдатская выправка должна быть врожденной.

Потом он начинает клеветать на Советский союз и говорит:

— В России — безработица.

— Мы лучше знаем про Советский союз,—сказал кто-то.

Тогда он начал кричать так, как настоящий генерал.

Красный пионерский отряд ответит ему! Будет время!

Пионеры из Вуппершаля—Ронсдорфа.

Звонок. Урок кончился. Началась перемена. Мы выходим на школьную площадку. Там мы находимся по большей части под наблюдением господина Г. Он заставляет нас ходить попарно и постоянно ругается, если мы ходим по-трое, по-четверо. Подходит и бьет нас по плечам своей толстой крепкой палкой со словами: «Свиньи! Разве вы не умеете считать до двух?»

На следующий день у нас дежурит надзиратель В. Он очень любит проявлять на нас свое боксерское искусство. Он это делает точно так же, как учитель Г. Если мы ходим по-трое, он подходит и колотит нас по спине.

Рула (Тюрингия)

Я хожу в народную школу. Наш учитель питает особое пристрастие к ушам. У нас в классе есть один не совсем нормальный мальчик. Вот что случилось с ним на уроке арифметики. Учитель был в плохом настроении, и нам нужно было остерегаться. Мальчик был вызван первым и получил задачу умножить восемь на четыре. Но он загляделся в окно и неправильно понял вопрос, поэтому долго не мог решить задачи. Тогда учитель бросился на него и буквально начал рвать ему уши. Показалась кровь. Кожа за ушами была сорвана.

Мы все в красном пионерском отряде боремся против наказаний!

Красный пионерский отряд народной школы Русcдорфа

Школа, в которой я учусь, не ремонтируется уже 12 лет. Стены так облупились и покрылись копотью, что кажется, ты попал в кузницу, а не в школу. Завтраками нас давно не кормят. В этой школе учатся дети рабочих, а так как отцы их—безработные, то мы приходим в школу голодными и уходим тоже с пустыми желудками, да пожалуй—и головами, так как на пустой желудок ученье не идет.

Жорж Кельнер, г. Нюренберг

У нас участились случаи обмороков. Вчера на уроке закона божьего две девочки потеряли сознание. Мы думаем, что это—от голода, а может быть и от того, что преподаватель их ударил линейкой за невнимание. А невнимательны они потому, что голодны.

Гертруда Элькинд, Люксембург

Я не решился итти из школы домой. Долго бродил по улицам. Мне было страшно войти к матери с шишкой на лбу и с синяком под глазом—так угостил меня школьный наставник.

А главным образом мне было страшно сообщить матери свое решение—не ходить больше в школу.

Там, где так сильно и с такой злобой бьют , учиться нельзя. Нет, я больше не пойду в школу!

Артур Рихтер (Берлин)

В нашей школьной библиотеке много книг, но читать нечего, так как там красуются на полках: библия, жизнь святых. А так как святых было много, то и книг о них тьма-тьмущая.

Один мальчик принес в класс книгу о советской пятилетке—вот это книга! Мы все ее прочли. Сынки торгашей пожимали плечами:

«Ерунда!»—говорят, а нам, детям рабочих, книга очень понравилась.

Больше бы доходило до нас советских книг!

Дуклицкий, г. Поворск (Польша)

К нам в пионерский отряд иногда попадают газеты из Советского союза. Недавно мы получили «Пионерскую правду» и «Пионера»—у нас нашелся мальчик, который нам прочел от корочки до корочки весь журнал и всю газету. Нам было очень завидно, что ребята в СССР так свободно живут: сами перестраивают свои школы, участвуют в обсуждении программ и не боятся своих преподавателей. Нам здорово плохо! Вот только в отряде отдыхаем душой, но зато каждый день боимся, что могут закрыть наш клуб. Это для нас будет самая большая утрата.

Муля Келлерман (Вашингтон)

В одной бедной деревушке в Аахенском угольном районе живет пионер Эмиль, он вздумал организовать пионерский отряд.

Собрались ребята. В комнате висит портрет Ленина. Над портретом—красное знамя. Дети напряженно ждут, что будет дальше.

Один 12-летний мальчик собирается уходить прежде, чем началось.

— Ведь это же коммунисты,—говорит он перед уходом своим товарищам. — Моя мать мне говорила, чтобы я никогда не знался с коммунистами.

Услыхала это 12-летняя девочка и испугалась, но брат сказал ей: «Не будь глупа, не с'ест же нас Эмиль».

Пионеры запели свою песню. Потом Эмиль начинает говорить о нужде Карла и Генриха, о том, какой они подвергаются опасности как контрабандисты, что их могут всякий день застрелить. И все это только для того, чтобы заработать несколько пфеннигов, так как дома ничего нет.

— Вот теперь у нас есть еще учитель, но нам уже не дают ни тетрадок, ни книжек, ни школьного завтрака. Но разве все дети так живут?

— Нет, директорская дочка приезжает каждый день в школу на автомобиле!

— Горный советник устроил себе в саду озеро.

— Высшие городские чиновники ездят в Италию. Их дети имеют собственные комнаты.

— А Гертруда имеет уже пудренницу! — так отвечали дети, перебивая друг друга, на вопросы Эмиля.

— А чтобы было иначе,—продолжает Эмиль, — чтобы у нас, у детей рабочих, была лучшая жизнь, чтобы мы больше не голодали, чтобы мы больше не ходили в лохмотьях, мы, дети, должны об'единиться. Один ничего не может сделать, но если мы все сомкнутыми рядами пойдем к ратуше и об'явим бургомистру, что мы голодаем, что мы хотим есть, что у нас нет одежды, нет тетрадок, нет книжек, у наших родителей нет денег, чтобы все это купить, тогда эти господа увидят, что они не могут поступать с нами, как хотят. И наши отцы нам помогут. Завтра идет депутация безработных к бургомистру.

Там они будут говорить и о нас, детях рабочих, говорить и требовать. Мы должны быть при этом. Вместе с нашими отцами мы должны добиваться, чтобы наши требования были исполнены.

Мы, дети рабочих, должны действовать сообща и бороться вместе с нашими родителями против господ, которые заставляют наших отцов работать в рудниках за голодную плату, а если они не хотят, то их выбрасывают на улицу. Но как мы можем бороться?

— Мы выбьем окна в виллах.

— Мы изобьем детей директора,—закричали некоторые.

Но Эмиль, который в своем отряде уже многому научился, возражает им:

— Если вы выбьете окна, если вы изобьете детей, что это изменит? Господа пошлют полицию, и мы и наши родители будем за то жестоко наказаны. Ведь власть-то в руках господ. Но для того, чтобы мы и наши родители сделались властью, мы должны организоваться, поэтому мы хотим здесь основать пионерский отряд. Мы должны как можно чаще собираться и учиться, как бороться против тех, которые заставляют нас голодать. Кто из вас войдет в наш пионерский отряд?

Поднялось восемь рук. Эмиль считает.

— И это все? Почему ты не с нами? И ты? И ты?

Дети смущенно молчат.

— Ну, что ж,—говорит Эмиль. — Мы можем начать с восмью пионерами. Мы встретимся здесь завтра. Вместе с безработными пойдем мы к ратуше. Конечно с нами могут итти и другие, которые не хотят вступать в отряд. И вы можете также приходить на наши пионерские собрания и смотреть, что мы здесь делаем. Теперь наши товарищи споют здесь пионерскую песню. Текст мы принесли с собой. Карл, раздай записки! И когда мы споем песню, я скажу: будь готов! Тогда вы все подымите правую руку высоко, как это делаю я, смотрите, и скажите громко: всегда готов! Вот это и есть пионерский привет!

Так состоялось основание пионерского отряда в Кумпельдорфе.

А. АСКЕР В

БЕСЕДЫ ПО ИСТОРИИ ВЛКСМ

Комсомол в эпоху гражданской войны

Беседа седьмая

Помещики, капиталисты и кулаки, поддерживаемые международной буржуазией и ее войсками, выступили против Страны советов.

1918—21 гг. были наполнены боевыми схватками, жестокой борьбой с наседающими белыми бандами. Положение советской республики было тяжелым: развал транспорта, нехватка хлеба, упадок сельского хозяйства и промышленности. Все шло на фронт и для фронта. Введена была продовольственная разверстка в селах. Крестьянство сдавало все излишки хлеба государству.

Для того, чтобы победить, нужна была героическая выдержка пролетариата, его беззаветная смелость и уверенность в победе.

Огромное значение имела поддержка международного пролетариата, мешавшего буржуазии задушить Октябрьскую революцию.

Идя в союзе с крестьянством и имея руководство крепкой, великой армии коммунистов, большевиков, пролетариат одержал победу.

Эта победа была достигнута ценою исключительного напряжения всех сил страны.

Верным и боевым помощником партии в этой борьбе были комсомол и рабоче-крестьянская молодежь. Не было фронтов и армий, где бы на линии огня не сражались, не гибли и не побеждали комсомольцы.

По далеко не полным данным известно, что комсомол мобилизовал не менее 50—60 тыс. чел.

Одни мобилизации, проведенные ЦК и с'ездами, дали 25 тыс. чел.

Доходило до того, что в Москве в Рогожско-симоновском районе на здании райкома ВЛКСМ висело об'явление:

«Райком закрыт, все ушли на фронт»

На заседании Краснопресненского райкома получилось следующее: решают—всем членам райкома уйти, но надо оставить хотя бы одного. Никто из ребят не соглашается. Приходится прибегать к бросанию жребия—кому остаться.

Комсомольцев-дезертиров почти не было.

Случалось, что ребята прибавляли себе года, чтобы уйти в бой.

Быть комсомольцем в те годы—это означало в любой момент стать под ружье, итти на защиту завоеваний Октября.

Белые генералы ставили знак равенства между членом партии и комсомола. И тому и другому грозила смерть, если он попадал в плен. За одну принадлежность к организации белые палачи уничтожали комсомольцев у себя в тылу.

Известен случай под Ленинградом, когда нужно было с опасностью для жизни взорвать мост перед лицом наступавшего врага.

Комсомольская рота выделяет молодого героя. Он выполняет это поручение и геройски гибнет.

Еще более известна гибель киевских комсомольцев под Трипольем. Разбив врага, но не приняв должных мер охраны, вся комсомольская рота гибнет. Целую ночь идет бой с превосходными силами кулачья. Лишь 2—3 случайно спаслись.

Не только на самих фронтах бьется комсомол. В глубоком тылу у белых, в Одессе, в Крыму, на Дону, в Грузии самоотверженно сражаются юные бойцы.

Апрель 1920 г. Крым. Белогвардейцы захватывают 14 членов союза. Три недели истязают героев, пытаясь вырвать имена оставшихся в подполье. Но напрасны все усилия белых. Судом 9 приговариваются к смерти, 4—к бессрочной

В атаку мчался комсомольский взвод

каторге, одну замучили до суда. Спокойно встречают приговор комсомольцы. Их повесили на фонарях, прибив плакат: «Погиб за коммунизм».

В дни, когда близка угроза новой интервенции, мы должны помнить героизм первых комсомольцев.

К будущим боям мы будем готовиться, изучая дела этих героев.

Для того, чтобы накормить Красную армию и рабочих города, нужен был хлеб.

Кулак всеми мерами боролся против сдачи хлеба. Поэтому по предложению Ленина были созданы продовольственные отряды. Они помогали бедноте изъять хлеб у кулаков. В этой борьбе за хлеб, борьбе за социализм—как говорил Ленин—комсомол принял большое участие.

И на трудовом фронте—в субботниках—комсомольцы были на первых участках боя.

В государственном строительстве, в борьбе за грамотность, за чистоту—всюду комсомол борется за линию партии.

Замолкают пушки, кончилась война. Страна вступает в хозяйственную стройку.

Комсомол перестраивает ряды и, по указаниям Ленина, становится ударной группой строительства социализма.

Первый отряд комсомольцев Красной Пресни, 1918 г., сентябрь

ЗА КРАСНЫМ РУБЕЖОМ

ФАШИСТСКИЕ ВЫСТРЕЛЫ НА ФИШЕР-КИТЦЕ

Перевод Е. Соколовой

Есть в Берлине Фишер-Китце. Это—старейшая часть города-гиганта.

Несколько десятков лет назад там в маленьких домиках жили рыбаки. Они закидывали сети в воды реки Шпрее.

Теперь там в ветхих домишках живут рабочие, большинство из них уже много лет безработные. Они и их дети голодают...

Они прекрасно знают, кто виновник их нужды:

— Это богачи!

Фишер-Китце является цитаделью красного фронта. В дни выборов—1 мая, 1 августа—там всюду появляются красные знамена; это конечно злит богачей. Они прекрасно знают, что рабочие этого предместья—друзья Советского союза и не желают слышать о войне.

Поэтому они хотят уничтожить эту красную крепость. Все чаще и чаще появляются на узких улицах военные отряды, которые расправляются даже с детьми.

Мы пришли в больницу к раненому Гельмуту. У него глаза заблестели от радости, когда мы ему передали привет от пионеров.

Гельмут рассказал нам следующее:

«В четверг, 23 июня, отправился я из дому,—я живу на Фишерштрассе 18—на угол Шориштейфегергассе, чтобы получить холодную вафлю. Вдруг я услышал выстрелы. Я обернулся и увидел, что фашисты стреляют в рабочих. На грозный окрик «Стой или я буду стрелять!» я вбежал в под'езд ближайшего дома, но пуля меня нагнала, и я упал.

Рабочие отнесли меня в ближайший ресторан, где мне сделали перевязку. Около 10 часов я отправился в больницу. Врачи сказали, что прострелена верхняя часть бедра и артерии, и хотели отнять мне ногу. Но мы, пролетарская молодежь, живучи. Много меня резали, но теперь доктор говорит, что я буду совсем здоров. Мое боевое мужество еще более укрепилось. Когда я спросил доктора, повоюю ли я еще хотя бы палкой, он ответил мне: «И даже больше, с резиновым наконечником».

Это меня очень обрадовало: значит я прекрасно могу бороться с фашистами, если они опять на нас нападут».

СПОРТИВНЫЙ ПРАЗДНИК

Чтобы повести лучше работу по устройству спортивного праздника, мы, красный пионерский отряд школы, решили устроить собрание учеников.

Мы об'явили полиции о собрании. В школе распространили много листовок. Один из нас устроил это очень хорошо. Во время перемены, когда все были во дворе, он неожиданно выбросил из окна на двор кучу листовок. Можно было подумать, что листовки с неба упали. Учителя очень хотели узнать, кто разбросал листовки, но это им конечно не удалось.

Мы все очень волновались, будет ли иметь успех наше школьное собрание. Уже 12 часов, несколько пионеров входят в зал собрания. У двери стоят полицейские.

Как только мы подходим к скамейкам, выступают полицейские и об'являют: «Собрание запрещено!»

Так! Что теперь делать? Собрания мы не можем устроить. Отряд пионеров и несколько других ребят идут на канал купаться. И мы все думаем о нашем спортивном празднике. Как только мы усаживаемся вокруг большого дерева, разговор вертится вокруг праздника и запрещенного собрания.

На следующий день мы уже распространяем листовку, в которой говорим специально о красных соколах и о том, что «товарищ Гржезинский запретил наше собрание и что ученики должны сделать вывод о таком «товарище».

Такой быстрый ответ на запрещение собрания произвел впечатление. Осталось еще несколько дней до спортивного праздника.

Когда учителя увидели, что некоторые классы решили не принимать участия в спортивном празднике, они об'явили, что каждый обязан принимать в нем участие.

Сейчас же мы меняем нашу позицию в борьбе за спортивный праздник. Теперь наш пароль — **«Все туда, но там выступать по нашей собственной программе».**

Наконец долгожданный день наступил! Из всех новокельнских школ ребята шествуют на спортивную площадку. Наша школа также. Все в сборе. Красный пионерский отряд собрался на четверть часа раньше.

Мы совещались, что нам делать. Пришло несколько старших товарищей, чтобы помочь нам. Теперь мы тоже идем. Наш учитель говорит нам:

«Вы все же идете с нами? В таком случае будьте приличны, иначе оставайтесь дома».

Мы идем. Старшие товарищи распространяют листовки против спортивного праздника. Мы решили во время ходьбы петь и насвистывать только рабочие песни. Но долго никто не решался начать. А когда кто-то осмелился, то наши охранники—полицейские—взяли ружья на прицел. Они волнуются, бегая вокруг нашей колонны.

Наконец мы пришли на спортивную площадку. Там было приблизительно 10.000 детей и 1.000 взрослых. И только немного красных детей рабочих, маленький пионерский школьный отряд. Теперь мы должны показать, что мы такое, хотя нас и мало. Мы условились так: в 10 часов сойтись всем у больших часов.

Рис. Б. Пророкова

Некоторые говорили об этом слишком громко и учителя слышали. Наш учитель все больше и больше нервничал по мере того, как стрелка приближается к 10 часам. Он не позволяет никому из нас уходить с места.

Стрелка все приближается к 10 часам, а мы не можем сойти с места и приблизиться к ним. Что нам делать? Несколько учителей отправляется к часам, где уже собралось несколько пролетарских детей. Уже 10 часов. Все ждут массовой декламации. Мы не можем уйти и напряженно прислушиваемся. Ужасно скверно, что как раз наш класс, где большая часть пионеров, не может попасть к часам. Наконец-то! Под руководством нескольких пионеров и одного взрослого товарища марширует около часов полсотни детей. Их все больше и больше. Теперь их уже сотня. Теперь они кричат: **«Внимание, внимание! Голод в стране! Война у ворот! Дитя пролетария, будь пионером!»**

Все смотрят с любопытством. Теперь они маршируют по главной спортивной площадке вниз. С каким бы удовольствием мы были бы там, но наш учитель очень внимательно следит за нами. С главной площади они идут на маленькую площадку.

Здесь играют трое учителей с их классами.

— Дайте нам свободную площадку, мы тоже будем играть,—кричим мы. И один товарищ начинает петь: «И направляют они ружья...» Все присоединяются к нему. Дети, которые играют с учителями, прислушиваются, прекращают понемногу игру, подходят к нам, чтобы послушать, что мы поем. Тогда мы устраиваем игры. Около нас все больше и больше детей. Наши игры так нравятся, что вскоре все дети играют с нами.

Учителя исчезают. Теперь вся площадь наша! И мы достигли того, что эти дети чему-то научатся от юных пионеров и от школьного пионерского отряда.

Теперь мы затеяли игру «Полицейский и пионер». Те, которые эту игру еще не знают, играют просто в «кошку и мышку». Кошка—это полицейский, а мышка —пионер.

Потом делаем грандиозную змею и поднимаем большой шум.

Несколько прохожих останавливаются и смотрят, что это делают парнишки с с красными галстуками. Около нас собрались зрители, человек 200. Мы затеяли игру «Путешествие в Советский союз» и в конце пустили ракету в честь 10-летия советских пионеров.

Взрослые радовались и говорили, что они ничего подобного не видели.

Когда кончился спортивный праздник, мы стали в два ряда и пошли к выходу с пением «Братья, к солнцу».

Там мы все стали в один ряд, отдали пионерский салют и затем спели «Интернационал».

В этот день мы действительно могли петь: **мы выполнили большую работу, несмотря на то, что нас так мало. В следующий раз нас будет больше и все будет выполнено лучше.**

Дети советов и стран капитала,—

Белых,

черных

и желтых отцов —

Всех нас роднит галстук алый

И горящий значок „Будь готов!

Вы в дни революции

были мальцами,

Но грянет в Германии

буря пожарищ!

Как мы в Октябре

наступали с отцами,

С отцом к баррикадам,

Германский товарищ!

Люди разных имен и рас

Выходят одною колонной:

Важен для нас

Не цвет, а класс —

Твердый и многомиллионный.

В каждой строчке и письма странице,

Где напишем про борьбу и жизнь,

Руку пионерам заграницы

Мы протянем через рубежи.

ДВА КРУГА

Вторая часть

Рассказ В. Авсюкевича

Рисунки В. Ко ова ова

Инженер-электрик Коунтри второй час сидит безрезультатно. На самой середине огромной Днепровской плотины сидит он и забрасывает свой спиннинг [1]).

На этот раз ему не везло, Коунтри сидел с чем пришел: около него была коробка с различными блеснами [2]) и пустое ведерко для рыбы.

— Здравствуйте, Коунтри! Как ваши успехи?

Коунтри обернулся. Со стороны поселка к нему подходил постоянный его компаньон по рыбной ловле старший монтажник Паркер.

Коунтри знал, что Паркер тоже, как и он, американец. Коунтри казалось даже, что когда-то он встречался с ним, но где и когда, он не мог вспомнить.

— Здравствуйте, Джим! Мои успехи, как видите, — и Коунтри показал на пустое ведро.

— Утешайтесь, дорогой инженер, тем, что ваши успехи не хуже американских,—возразил Паркер, разматывая свои удочки.—Там у рабочих сейчас в желудках не больше, чем в вашем ведре.

Ветер крепчал. Серые тучи низко проносились над обоими рыболовами. Им становилось холодно.

— Дьявол! Как холодно однако, и какой сильный ветер! Совсем, как в океане лет 7 тому назад,—заметил Коунтри.—Я помню, как однажды осенью я путешествовал на «Короле Георге», было так же холодно. Мы шли в Европу. На корабле ехал еще один мой ровесник, мальчишка лет 15, с которым, не помню по какому случаю, я повздорил и мы разодрались по всем правилам английского бокса. Очень скоро малый получил хороший удар и пролежал положенное ему время, не вставая.

— Да!—продолжал Паркер,—я этого малого немного знаю. И знаю конец этого приключения. Мальчишка из кочегарки упал не от удара, а от спасательного круга, упавшего на него откуда-то сверху. А потом был праздник. Был сожжен фейерверк, и искра зажгла бензин. Корабль вспыхнул, как факел. Люди бросались в воду. Не знаю как, но враг нашего малого очутился в океане.

— И вы?!

— Да. Я бросил ему второй круг.

— Значит вы тот самый... один из...

— Ребят с боен? Совершенно верно. Если память вам, Коунтри, не изменяет, мы с вами расстались, когда вы сошли на европейский берег в Лондоне. Что касается меня, то я на борту «Тасмании» доехал до СССР и высадился в Ленинградском порту.

Теперь я—рабочий, бригадир, ударник, строю социализм, чего и вам желаю от всего сердца,—закончил Джим.

Коунтри усмехнулся.

— Странные речи для американского гражданина! Я плоховато разбираюсь в социализме, Паркер, но понимаю, что если машины «Дженерал Электрик компани» не выдержат испытания, то многим придется искать работы. Я— не социалист и приехал сюда не социализм строить, как вы, а деньги зарабатывать.

— Деньги мы вам заработать, сколько вы стоите, дадим, но плохо работать вам не позволим.

— Кто это мы?

— Мы — рабочие. Мы — ударники. Мы—комсомольцы и партия.

— Так вы?!

— Скоро буду членом партии.

— Так-с,—Коунтри снова вытащил пустую леску.

— Однако какой ветер,—заметил он, свертывая удочку.

Ветер между тем становился на самом деле все крепче и крепче. Днепр почернел и надулся. Только что законченная плотина, на середине которой сидели наши старые знакомые, начала именно в этом месте издавать какое-то странное потрескивание, через несколько минут послышался еще более сильный треск справа, и огромная глыба земли и камня отвалилась и упала в реку.

Рыболовы стояли теперь на той части плотины, которая еще сопротивлялась разрушающим волнам, а старый Днепр гудел и ревел внизу под ними, выбрасывая кверху седые космы обессиленной волны.

Обоим было ясно, что оставаться здесь нельзя, но уйти было некуда. От неразрушенной части плотины до них было не меньше 10 метров. Почти такое же расстояние отделяло их от другой части плотины. Под ними в камнях бился старый Днепр, ярость которого была тем сильнее, чем сильнее противостояла его напору новая плотина.

— Смотрите, Коунтри, смотрите!—воскликнул Джим,—смотрите, как бежит народ.

Действительно, со стороны поселка, примыкающего к плотине, быстро бежали люди.

— Увы, Джим, они не смогут близко подойти к краю без риска обвалиться в реку. Если разрушение будет итти таким же темпом и дальше, нас смоет, Джим, обязательно смоет и измочалит о камни.

— Перестаньте ныть, Коунтри. Соберитесь-ка лучше с мыслями да придумайте способ нашего спасения.

12-летний Коля Рыжов тоже прибежал на плотину вместе со старшими. На нем были длинные брюки на выпуск да старый красноармейский огромный шлем.

— Веревку бы им туда перебросить.

— Досок бы сюда притащить... Сейчас в ряд их и—пожалуйте, товарищи американцы, переходите мост.

— Стой, стой, братцы! Дальше ни шагу. Вон видно, как подмывает вода...

Толпа остановилась. Эту остановку заметил Коунтри со своего острова, но он не обратил внимания, как маленький ростом Коля Рыжов пробрался через толпу взрослых, быстро приблизился почти к самому краю плотины, лег на нее и закричал людям на острове:

— Эй, дядя Паркеров, эй!.. Кидай в меня своей удочкой, я привяжу веревку на блесну. Будете тянуть к себе веревку, иначе не добросить.

— Смотрите, Коунтри! Спасение к нам приходит с того берега. Вам везет: второй раз вас будет спасать от воды пионер. Давайте скорее вашу удочку, навязывайте грузило потяжелее и попытайтесь поймать вон того, лежащего на краю, мальчишку.

Коунтри быстро развязал свою снасть, прицепил к леске грузило-блесну и, размахнувшись, пустил катушку. То ли руки дрожали у Коунтри, то ли он поторопился, то ли наконец его внимание отвлеклось скатившимся с 20-метровой вышины опрокинутым второпях пустым ведерком—неизвестно, но только леса не дошла до плотины и грузило исчезло, опустившись в воду.

— Нервы, сэр, слабоваты у вас. С такими нервами социализма не построишь. Позвольте-ка, я попробую, — сказал Джим, беря удочку из дрожащих рук Коунтри.

— Заедает что-то в катушке,—бормотал Коунтри, беспрекословно отдавая Паркеру драгоценную удочку.

Джим быстро собрал лесу на катушку. Широко расставил ноги и вертел удилище так, что вертелся только конец его над его головой. Наконец, видимо хорошо нацелившись, Джим пустил катушку и слегка присел.

Блесна и грузило, сверкнув в воздухе, помчались к Коле Рыжову, развертывая за собою прозрачную нить лесы. Метко пущенная опытной рукой блесна упала прямо на Колю, впившись ему в брюки скрытыми острыми крючками.

— Ой, чорт! Больно! Не дергай! — закричал Рыжов, быстро отцепляя прилипчивое грузило.

Коля надвязал конец бывшей с ним веревки на тройной крючок и начал разматывать связку тонкой веревки, сбрасывая ее с края размытой плотины вниз.

— Давай, братцы, теперь толстую веревку да крепкую, чтобы человека выдержала,—закричал Коля стоящей сзади толпе людей.

— Ишь чего малец удумал! Другому взрослому не придумать. Ну и Колька! Ну и Рыжов! — раздавались одобрительные голоса из толпы.

Тем временем Паркер благополучно собрал лесу, отцепил тонкую веревку от крючка и начал выбирать ее из воды.

— Стой, Паркеров, стой, не тяни!— донесся с того берега тонкий голос Кольки, надвязывавшего к концу тонкой веревки толстый крепкий канат, принесенный рабочим.

— Ну, вот! Теперь ладно будет,—закончил Колька, сбрасывая вниз два связанных конца.

— Товарищи!—закричал он снова назад,—посмотрите, там возле бревен лежит блок с крюком. Проденьте канат. Мы им этот крюк перешлем на ту сторону.

— Эй, Паркеров, как выберешь канат, укрепи его внизу сваи, мы тебе крюк перешлем. Понял?

— Понял, мальчик, понял. Ты потарапливайся однако, под нами вода уже много размыла. Поберегись! — крикнул Паркер, вытаскивая толстый канат и закрепляя его вокруг крепко стоящей сваи. Колька осторожно подался назад к рабочим, продевавшим в колесо блока канат.

---

[1]) Спиннинг—особый вид удочки для хищной рыбы. Ловкие и опытные спиннингисты забрасывают леску на расстояние в 75 метров.

[2]) Блесна—металлическая рыбка, похожая в воде на настоящую, служащая живцом.

Все незаметно как-то признали колькин авторитет, и теперь он распоряжался как старший:

— Гляди, товарищи! Паркеров привязал свой конец уже под сваю. Теперь мы наш конец должны поднять, тогда крюк сам пойдет к ним по наклону... Давай жердину,—вдруг закричал он.

Через несколько минут высокая жердина стояла между бревен. От верхушки ее через 10-метровую промоину тянулся толстый канат, по которому, медленно покачиваясь на блоке, скатывался крюк.

— Смотрите, Коунтри,—сказал Паркер,—когда к нам подойдет крюк, привяжите к нему эту вот тонкую веревку, чтобы он не мог откатиться назад, когда мы поднимем свой конец на сваю. Вы пойдете первым на тот берег. Долго оставаться здесь нельзя: нас сильно подмывает.

Когда крюк подошел к американцам, Коунтри привязал к нему тонкую веревку, а Паркер, отвязав внизу сваи конец толстого каната, полез с ним на сваю и высоко у ее вершины закрепил канат.

Люди на том берегу опустили жердь и укрепили на бревнах свой конец.

Теперь канат получил обратный наклон.

— Лезьте, Коунтри, наверх и на крюке скатывайтесь через промоину на плотину. Я потяну веревкой крюк к самой свае.

Через минуту Коунтри, обвив ногами сваю, сидел у самой ее верхушки и из куска веревки скручивал крепкий жгут. Когда Паркер подтянул к нему крюк, Коунтри накинул на него жгут и, обернув дважды крюк, ухватился двумя руками за концы жгута.

— Пускайте ноги! — скомандовал Джим.

Коунтри разжал ноги, и под действием тяжести крюк сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее покатился с человеком прямо к бревнам.

Через несколько секунд инженер Коунтри сидел уже на бревнах, а крюк медленно отползал по наклону. Это Паркер тащил за веревку к себе свое спасение.

Люди на плотине видели, как вода с каждым напором волны все сильнее и сильнее обнажала сваю. Люди беспокоились, потому что там оставался еще один человек.

Наконец на свае появилась фигура Паркера. Вот он взялся за жгут руками. Вот отделился от сваи, качнулся и, увеличивая быстроту, стал приближаться к бревнам.

Было видно, как свая покачивалась. Ветер усилился так, что было трудно стоять на ногах. Свая наклонилась и, как подкошенная, упала вниз в тот момент, когда Паркер, несясь на блоке к бревнам, подходил к ним.

Толпа ахнула, а Паркер, отпустив жгут, стоял у бревен и крепко обнимал отбивающегося от него Кольку.

— Послушайте, Джим, почему вы начали наше спасение с меня, а не с себя?—спросил, идя домой, Коунтри.—Я не забыл ведь вашего обещания на пароходе при удобном случае потрепать меня как следует.

— Не время. Вы—чужой нам человек. Вы ненавидите нас. Вы—наш враг, но... Вы должны жить, потому что вы нам нужны, потому что станция должна на днях начать свою работу.

(Конец)

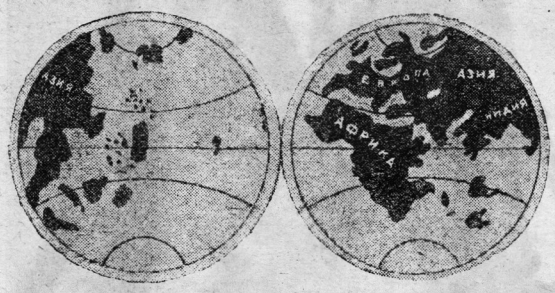
ПОЧЕМУ МОРЕ БАРЕНЦЕВО

Рассказ
А. К. Покровской
Рисунки
Л. Г. Бродаты

350 лет назад

Тогда земной шар еще не был исследован. Европейцы недавно открыли Америку и в первый раз совершили кругосветное плавание.

Плавали на парусах.

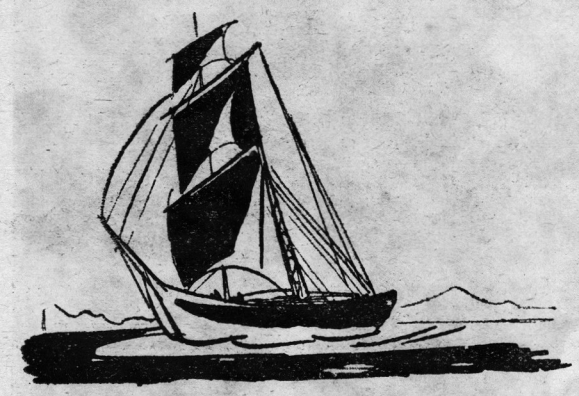


Корабли назывались: каравеллы, фрегаты.

Плавания были опасны.

Купцы и капитаны

Жадные купцы приморских стран—Испании и Португалии, Голландии и Англии—стремились обогащаться во вновь открываемых землях.



Они нанимали отважных капитанов и посылали их в опасные плавания.

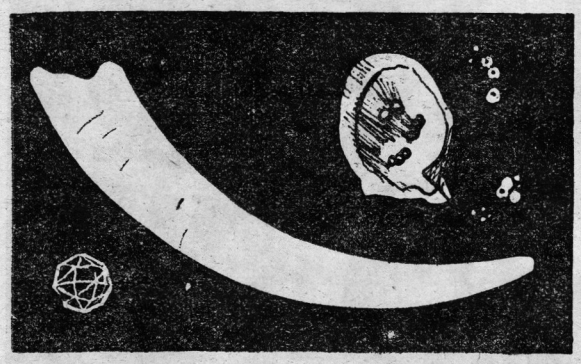
Сокровища Востока

Индия и Китай манили купцов и капитанов.

Оттуда привозили драгоценные товары: алмазы и жемчуг, слоновую кость и золото, шелк, фарфор, пряности.

Но с каким трудом!

Караваны много лет тянулись через горы и пустыни, через моря и реки, через разбойничьи племена и воинственные царства.



Наконец проплыли в Индию морем. Но и этот путь был долог и опасен: приходилось огибать всю Африку.

Через Московское царство

А если плыть северным путем? Тогда на западе встретится Северная Америка, а на востоке—берега Московии.

Река Обь—дорога в Китай

Английские и голландские корабли уже не раз погибали там, ничего не добившись.

Только русские поморы да самоеды на самодельных карбасах и ладьях умели пробираться в скалистых проливах Вайгача и Матки (так звали поморы Новую Землю), через льды ледового моря за Маткой, к устью великой сибирской реки, называемой Обью. Ученые голландские географы утверждали—там путь в Китай! По реке Оби нужно плыть до ее истоков.

А вытекает она из озера Китайского, из самого центра Китая.

Вот какая была география 400 лет назад!

Спор капитанов

Голландские купцы снарядили новую экспедицию для открытия пути в Китай.

— Нужно плыть по пути русских, ближе к материку, через узкий Вайгачский пролив (Маточкин шар),—доказывал адмирал Най.

Он раньше плавал в Московию, он был опытным мореходцем.

Ему голландские купцы вверяли два корабля.

А капитан Баренц был другого мнения:

— У русских суда плоскодонные, почти лодки. Мы же поплывем на килевых кораблях. Русским не страшны береговые мели и льды. Они в случае опасности вытаскивают свои суда на лед, волокут волоком. А нам необходимо открытое море. Славные ученые недаром доказывают, что ближе к полюсам сильней приливы и в открытом море на самом севере воды свободней от льда, чем у материка. Надо плыть ближе к полюсу. Надо пробовать обогнуть Новую Землю с севера. Там найдем мы скорее свободный от льда проход на восток.

Путь Баренца

Капитан Баренц жил в Амстердаме.

Амстердамцы гордились своим капитаном.

Моряки особенно любили Баренца за его знание морского дела, за его смелость и твердость, за справедливость и прямоту. Купцов страшила его отвага. Но они решили доверить ему свой корабль.

Баренц поплыл новым путем. Этот путь не был обозначен на тогдашних картах.

Неудача или успех?

К северу черные берега Матки скалистей и выше, глубже заливы.

На островах в отрубах черных скал сплошь гнездятся белые птицы.

Шум и крик, как на огромном базаре.

Выстрел из пушки тучей поднимает птиц над скалами.

На берегах—груды выброшенного морем плавучего леса: доски, обломки судов, бревна, целые деревья с корнями принесло течением из далеких стран.

На мысах изредка чернеют развалины изб и кресты могил. То—старые русские зимовья.

К северу горы еще выше—с гор ползут ледники. Но вот берега снова становятся низменными. Навстречу кораблю поплыли льдины. Сначала редкие, они скоро затолпились вокруг белой стаей, делались крупней, толще.

И вот ледяные поля покрыли горизонт.

Огромные чудовища лежали на льдинах.

Слоновые бивни торчали на их страшных рыжих мордах.

То были просто моржи, невиданные раньше голландцами.

Подул ветер с северо-востока—встречный. Льды стало ломать, громоздить, сжимать.

Кораблю угрожала гибель.

Корабельный совет решил: надо возвращаться!

Ах, как не хотел Баренц! Он медлил. Наступил сентябрь. С каждым днем опасность увеличивалась: и Баренцу пришлось отступить.

Это было в 1594 г.

Тогда впервые западный берег Новой Земли был заснят на карту. Эта карта

Баренца была еще слишком приблизительна. Но она была первой.

Преждевременное торжество

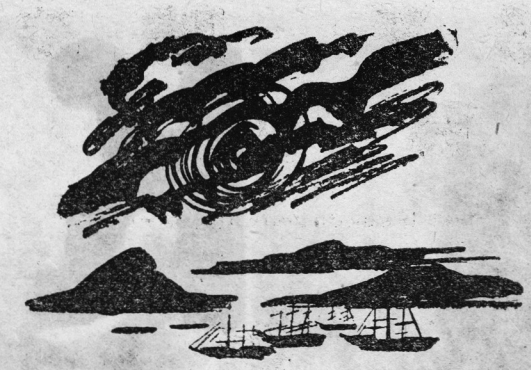
А Най ликовал.

Его корабли благополучно проплыли узким проливом мимо о. Вайгача и переплыли восточное ледяное море. Они достигли неведомых доселе берегов. Они увидали устье большой реки—ее отдельные рукава.

Конечно это должна быть Обь.

Плыть в Китай было поздно—наступал сентябрь. Но главное казалось достигнутым. Хотя до Оби в действительности было еще далеко: Най подошел только к ее устью.

Най ошибся, увидав только устье реки.



Поход купцов

В Голландии купцы ликовали. Най оправдал их надежды. Он открыл путь в Китай.

Стали снаряжать шесть кораблей. С товарами, с деньгами.

Плыли сами купцы, Най убедил их, что плавание в Китай легко и безопасно. Плыли ювелиры и шлифовальщики бриллиантов—в Китае ведь много алмазов!

Най шел начальником экскадры. Баренца брали капитаном на один из кораблей.

Скоро ли соберешь такую большую флотилию? Отплытие затягивалось. А надо бы спешить.

12 июля наконец отплыли.

Ледовой год

1595 г. для полярных плаваний был труден.

— Море льдисто,—говорили голландцам поморы.

Уже близ о. Колгуева встретился густой лед.

Через Вайгачский пролив с трудом протолкались.

А в Карском море встретил норд-ост.

Льды с треском, визгом и воем загромоздились вокруг.

Корабли едва успели укрыться у маленького островка—Местного. Стали ждать, когда льды разведет. А наступил уже сентябрь. Появились больные. Цынга первыми забирает малодушных и ленивых.

Хозяин льдов

Матросы бродили как-то на берегу острова, искали драгоценных камней.

Блестящие кристаллы горного хрусталя встречались в прибрежной гальке—матросы принимали их за драгоценные камни. Двое заснули на берегу. Другие ушли вперед.

Голодный медведь — кожа от худобы точно пристала к костям—наткнулся на спящих.

— Что ты дуришь!—закричал с просонок тот, которого он схватил. Думал, товарищ пошутил.

С воплем кинулся в бегство другой.

А зверь раздробил уже череп человеку и жадно лизал горячую кровь.

Заметив прибежавших на крик матросов, он стремительно сшиб с ног еще одного и стал рвать его на куски. Он был так голоден, что, раненый на смерть, продолжал есть, покуда не издох.

(Продолжение в следующем номере)

Р Е Б Я Т А!

Журнал № 21 посвящается школе и пионеротряду.

Пишите заметки, рассказы, стихи, рисуйте ребусы, карикатуры, шлите отзывы о рассказах, рисунках и фотографиях предыдущих номеров

Редакция

„Красная месть"

Рассказ ГЕЗ
Перевод Е. Соколовой
Рис. В. Константинова

В городе Потсдаме в королевском сиротском доме царит мертвая тишина.

В спальнях отдельных рот офицеры проводят вечернюю молитву.

Маленькие солдаты (10—14 лет) лежат в постелях. Руки их вытянуты поверх одеяла в знак молитвы, а в углу один мальчик бормочет молитву «Отче наш»...

После шаблонного бормотания следует звучное «спокойной ночи», и офицер исчезает.

Ровное дыхание 60 детей наполняет пустынную большую спальню.

Спустя час несколько юношей, тихо, с бьющимся сердцем, вылезают из-под одеял, натягивают брюки и бегут из спальни по длинному коридору казармы. Они собираются в углу коридора.

Это—клуб «Красная месть».

Для приветствия они поднимают, как для клятвы, три пальца правой руки—условный знак их союза.

Посредине стоит Фриц, отец которого пал смертью героя.

Он открывает клубное собрание.

Клуб «Красная месть» королевского сиротского дома поднимает руки для клятвы на **«верность, борьбу и месть».**

Все поднимают руки, и в длинном коридоре грозно гудит тихий шопот—«Месть».

— Сегодня нам опять сократили порции,—говорит Вилли.

— Мы наконец должны что-то предпринять.

— Левенбендигер опять избил меня сегодня плетью, хотя я ничего не сделал.

— А третью роту сегодня заставили полчаса делать упражнения в наказание за то, что они кричали «голодно».

— Тсс! тише!—хрипло закричал Вилли,—я предлагаю сделать завтра общее выступление. Мы должны позаботиться о том, чтобы во всех ротах после выкрика «угар», «голодно» начался общий шум.

Если начальство побежит вперед, должны кричать находящиеся сзади, если они бросятся назад, нужно кричать в средине или спереди. Они ничего не смогут сделать. Если они заставят нас упражняться в наказание или стоять во дворе, мы бросимся к кухне.

— Да, да!—закричали все с энтузиазмом.

— Итак, решено. Мы согласны. Завтра после Лорке крик по-ротно «голодно», «голодно».

Вилли потрясает своими маленькими кулачками. Глаза его мечут искры.

— Принесите с собой красные платки. Когда пойдем на штурм кухни, вытащим их и будем махать.

— Согласны — месть!

— Вставать! Вставать!—кричал Левенбендигер на другой день в 6 часов утра.

На его груди болтался железный крест 1-й степени.

Отделениями умывались. Ротами отправлялись в столовую.

В то время как дети жадно поглощали кашу с сухим хлебом, два учителя-офицера сидели посредине и пили кофе.

В углу налево Гамбергер Вильгельм бормотал: «Остави нам долги наши».

Никто его не слушал. Каждый старался незаметно, так как это было воспрещено, размельчить сухой хлеб и с'есть его.

После этого «княжеского» завтрака должен был раздаться пароль. Все роты вышли во двор.

При появлении Левенбендигера раздалось, как было условлено:

«Голод»... «угар»!

Его начальническая рожа выразила ужас. Настоящий мятеж!

Мог ли этого ожидать он, который был оберлейтенантом во Фландрии, от этих сопляков!

— Кто там кричит?—заворчал он и побежал схватить зачинщика.

Но со всех сторон сыпалось, как град:

— Голодаем, голодаем!

Члены клуба «Красная месть» незаметно вытащили красные платки.

Как следовало ожидать, зачинщики были схвачены и избиты до полусмерти.

Левенбендигер избил человек пятнадцать, а потом дал тревожный выстрел. Из казармы прибежали другие воспитатели.

— Что случилось?—закричал Мауке.

Левенбендигер кивнул. Они посоветывались и ушли обратно в казарму. Случилось так, как и предполагали ребята: в наказание их заставили стоять.

Роты образовали круг и закричали:

— Голод! голод!

Внезапно из круга раздался пароль:

«Штурмовать кладовые».

«Красный клуб» махал красными посовыми платками и кричал:

«На штурм».

И как на поле битвы, при команде «на штурм» фанатично, дико, без мыслей, бросились 400 ребят штурмовать кладовые, вышибли двери, толкая друг друга, и кинулись в кухню. Разбили все, что было возможно. Все с'естное перешло в карманы.

Бутерброды, маргарин, масло, какао, кофе в зернах—все хватали они.

Двери, которые не открывались, они бомбардировали горшками.

Становясь друг другу на плечи, они добрались до высоких полок и тащили все припасы.

Во дворе звучал набатный колокол.

Вся военная стража этого сиротского дома убежала в Потедам, и теперь хватались за каждого, кто мог им помочь.

Некоторые из членов клуба «Красная месть» бросали кухонную посуду в ненавистного Левенбендигера.

Ребята все бегали, искали убежища, где бы они могли спокойно наесться досыта.

Начальство собралось на совет.

Ребята, испуганные наступившим спокойствием, опять собрались вместе.

Их было 400. Клуб «Красная месть» совещался.

— Вилли, мы должны послать кого-нибудь для переговоров.

— Можешь быть уверен, что тебя там не похвалят,—сказал Фриц и постучал пальцем по своему лбу.

— Но мы должны что-нибудь предпринять,—возразил ему Вилли.

Начался дождь. Все стояли вместе на большом казарменном дворе перед красной стеной.

Тогда в качестве высшего начальства появился Левенбендигер. На этот раз на конце его плети был узел.

Вышли и другие учителя с таким же оружием.

«Роты, марш!»

Ребята переглянулись.

— Ребята, будьте же благоразумны! Подумайте о штрафном наказании.

Ребята двинулись.

— Юноши!—начал опять Левенбендигер,—у нас случилось то, что на поле битвы наказуется смертью. Понимаете?

В то время как дети жадно поглощали кашу с сухим хлебом, учителя пили кофе

Он подошел к ближайшему и ударил его рукой по голове, тот упал на колени.

— Ты недостоин называться немцем, — он тряс с укоризной головой,— все, что здесь произошло,—отвратительное свинство.

Шеренга, вперед! Сегодня обеда не будет, а почему, вам хорошо известно.

Если по истечении трех минут, главари не выйдут вперед, то...

Он поднял палку, и она свистнула в воздухе. Тишина... Дождь... Казарменный двор, окруженный красной кирпичной стеной, 400 сирот и 10 воспитателей.

— Первый, вперед!..

Задыхаясь от усталости, сменялись воспитатели при выполнении обязанностей для поддержания государственного порядка.

На человека—4 палочных удара.

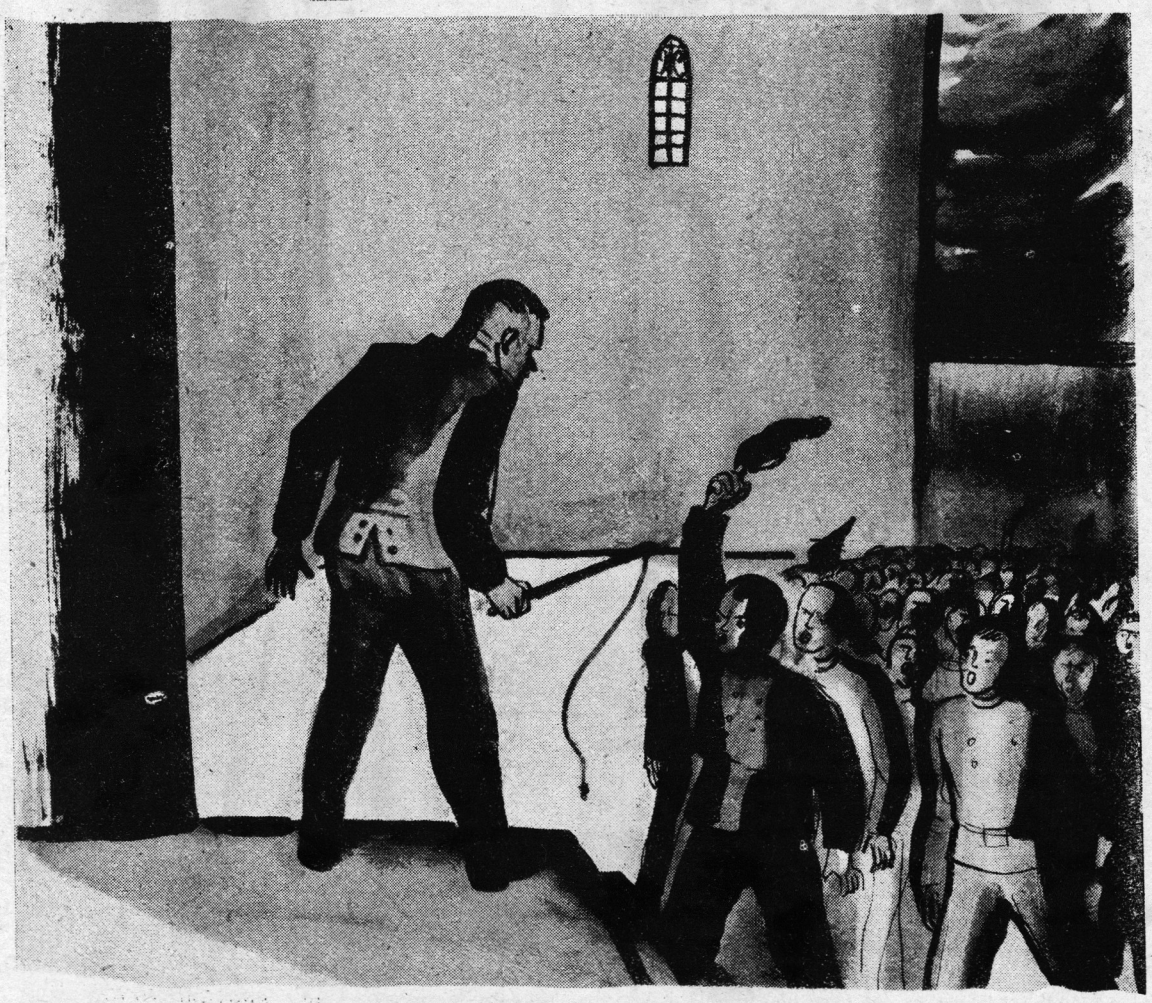
Каждый воспитатель должен выпороть 50 человек.

На каждого учителя приходится 200 палочных ударов.

Слышится тихое с ненавистью бормотание:

— «Месть!»

Это была попытка революционного выступления в королевском военном сиротском доме в г. Потсдаме в 1919 году.



В качестве высшего начальства появился Левенбендигер

Веселый математик

Составил Лопшиц

Рисунки Интазарова

КАК МЕНЯ ЗОВУТ?

Новый учитель математики во время перемены, подойдя к стоящей в углу доске, написал следующее:

3 × 3 =	7 + 2 =	6 + 3 =
1 + 2 =	4 — 1 =	17 — 14 =
27 — 26 =	8 — 7 =	17 — 16 =
7 × 2 =	10 + 4 =	20 — 6 =
	3 × 5 =	150 : 10 =
	15 : 5 =	18 : 6 =
	4 + 5 =	
	4 × 6 =	

— Это меня так зовут,—сказал учитель. — Понятно?

— Совсем непонятно,—удивились ребята.

— Неужели непонятно? Первый столбик—мое имя. Второй столбик—отчество. Третий — фамилия. Решите задачи, тогда поймете. А не поймете, я помогу. Ну-ка, давайте к доске, сразу трое.

Ребята рассмеялись. Они не привыкли сразу по трое выходить к доске: прежде они всегда выходили по одному. Вышли: Вася, Сергей и Колька. Разбили мел на три куска, каждый стал у своего столбика. Они кончили очень быстро.

— Все готово? — спросил учитель.— Теперь сотрите задачи, оставьте только одни ответы.

— Вот так?

— Вот так. Это и есть мое имя, отчество и фамилия.

9	9	9
3	3	3
1	1	1
14	14	14
	15	15
	3	3
	9	
	24	

— Можете прочесть? Нет? Ну, для первого раза я вам помогу.

Учитель опять подошел к доске и написал две строчки:

а б в г д е ж з и . . .
1 2 3 4 5 6 7 8 9 . . .

— А!—крикнули ребята так громко, что даже распахнулась дверь.—А! Ага! Теперь все понятно! Вас зовут...

Но в это время позвонил звонок. Нужно было итти в класс.

ОЧЕНЬ ПРОСТО

А на уроке Иван Иванович написал:

3 × 37 =
6 × 37 =
9 × 37 =
12 × 37 =
15 × 37 =
18 × 37 =
21 × 37 =
24 × 37 =
27 × 37 =

— Ребята,—сказал Иван Иванович,— вот вам столбик задач. Кто первый решит их, тот получит математическую премию, я научу его одному хитрому фоку...

Иван Иванович сказал не «фокусу», а «фоку», но ребята не дослушали до конца: все уже принялись за умножение, потому что каждый хотел обязательно кончить первым.

Васька очень спешил. Он высунул язык набок, лег грудью на парту и считал изо всех сил:

$$\begin{array}{r} 37 \\ \times\ 3 \\ \hline \end{array}$$

— Трижды семь—двадцать один. Один пишем, два в уме. Трижды три—девять, да два—одиннадцать.

$$\begin{array}{r} 37 \\ \times\ 3 \\ \hline 111 \end{array}$$

Он обернулся, чтобы посмотреть, как идет дело у Жени. Женя, прищурясь, глядела на доску. Она даже еще не начала писать.

— Обгоню! — обрадовался Васька и снова заскрипел пером и зашептал:

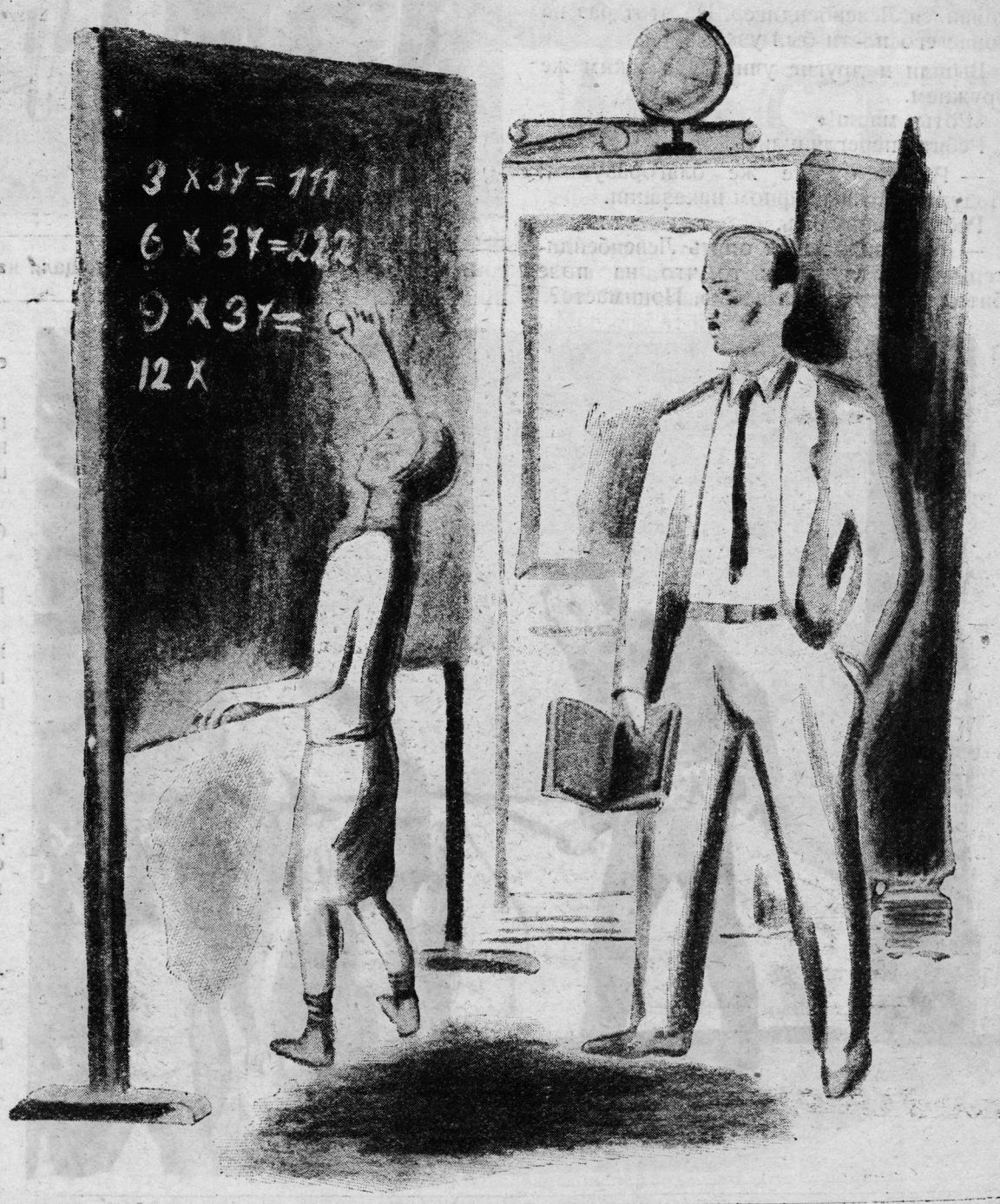
$$\begin{array}{r} 37 \\ \times\ 6 \\ \hline \end{array}$$

Шесть раз семь—сорок два. Два пишем, четыре в уме, шесть раз три—восемнадцать, да четыре—22.

$$\begin{array}{r} 37 \\ \times\ 6 \\ \hline 222 \end{array}$$

$$\begin{array}{r} 37 \\ \times\ 9 \\ \hline \end{array}$$

Девять раз семь—шестьдесят три. Три пишем, шесть в уме. Девять раз три—двадцать семь. Двадцать семь и шесть—тридцать три.



Женя подошла к доске, взяла мел и написала ответы

$$\begin{array}{r} \times\ {}^{37}_{9} \\ \hline 333 \end{array}$$

$$\begin{array}{r} \times\ {}^{37}_{12} \\ \hline \end{array}$$

Два раза семь—четырнадцать. Четыре пишем, один в уме. Дважды три—шесть, да один—семь...

— Иван Иванович, я кончила!— вдруг сказала Женя.

Васька даже подскочил от удивления. Он оглянулся. У Жени на столе лежала тетрадка, совсем чистая, она не написала ни одной цифры.

— Не может быть,—подумал Васька,— шутит наверно.

А Женя подошла к доске, взяла мел и написала ответы:

$3 \times 37 = 111$
$6 \times 37 = 222$
$9 \times 37 = 333$
$12 \times 37 = 444$
$15 \times 37 = 555$
$18 \times 37 = 666$
$21 \times 37 = 777$
$24 \times 37 = 888$
$27 \times 37 = 999$

— Молодец, — сказал Иван Иванович. — Как ты решила так быстро?

— А я только первый раз помножила **три на тридцать семь.** Трижды тридцать девяносто, да трижды семь—двадцать один, всего—сто одиннадцать. А потом множить больше не надо. Прибавлять по сто одиннадцать и все.

— Почему это так?

— Потому что **шесть раз** тридцать семь—это все равно, что **три раза** тридцать семь и еще **три раза** тридцать семь. **А девять раз** тридцать семь — это все равно, что **шесть раз** тридцать семь и еще **три раза** тридцать семь. И так все время прибавлять по сто одиннадцать.

Васька хлопнул себя по лбу:

— Эх, как я не догадался!

И все другие ребята тоже хлопнули себя по лбу, так что получился очень громкий длинный звук: хлоп-хлоп-хлоп-хлоп-хлоп!

— За это получаешь премию, я тебя научу одному фокусу,—сказал Иван Иванович и стал тихо что-то рассказывать Жене, а потом прошел к задней парте и сел. А Женя взошла на кафедру. У нее был очень важный вид.

— Ребята,—сказала она.—Сейчас я покажу вам математический фокус. Каждый из вас пусть задумает какое хочет число. Можно однозначное, можно двузначное, хоть десятизначное. Только про себя, чтобы я не знала. Задумали?

— Есть!

— Задумал!

— Готово!

— Все задумали?

— Все! Все!

— Теперь пусть каждый к своему числу прибавит столько же, сколько задумал. Готово?

— Готово!

— Теперь полученную сумму помножьте на три.

— Готово!

— Теперь полученное произведение разделите на задуманное вами число.

— Готово!

— Отлично,—сказала Женя.—Теперь подходите по одному. Я буду каждому говорить, что у него получилось.

Первым подбежал Шурка. Женя ему шепнула что-то на ухо.

— Правильно?—спросили ребята.

— Правильно!—сказал Шурка.

Потом подошла Маша. Женя ей сказало на ухо.

— Правильно?—спросила Женя.

— Правильно!

Последним подошел Васька. Он опоздал, потому что взял очень большое трехзначное число.

— Шесть,—шепнула ему на ухо Женя.

— Как ты отгадала?—спросил Васька,—ведь ты не знаешь, какое я задумал число!

— В том-то и фокус!—сказала Женя.

— Нет, ты скажи!

— Нельзя, Иван Иванович?

— Не говори, не говори. Пусть сами догадаются.

Ребята долго сидели и думали. Вдруг Васька спросил:

— Шурка, ты сколько задумал?

— Двадцать четыре.

— А получилось сколько?

— Шесть.

— А ты, Маша, сколько задумала?

— Десять.

— А получилось?

— Шесть.

— И у меня шесть!

— И у меня!

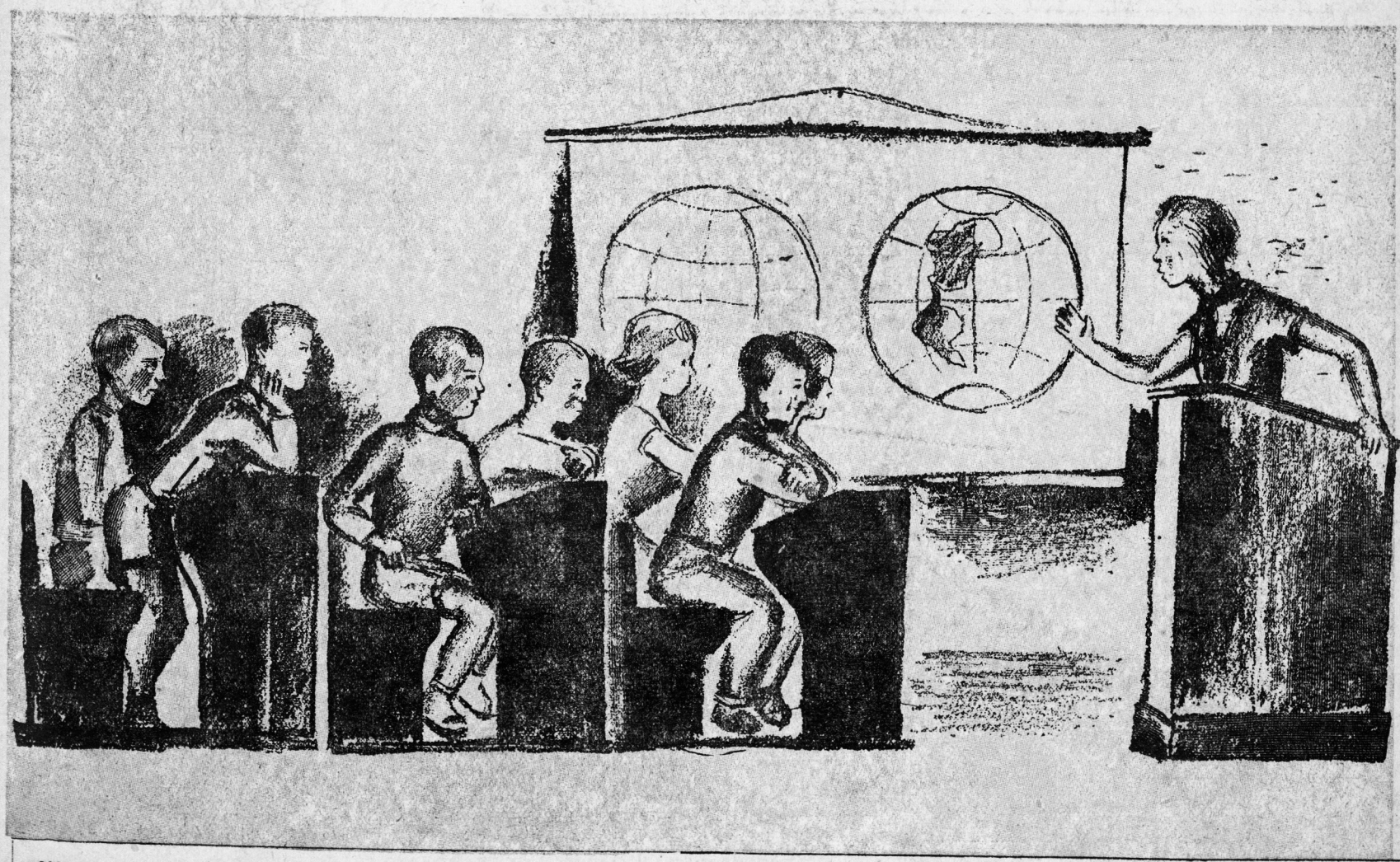
— И у меня!

— У всех получилось шесть!

— Почему это у всех шесть, когда все задумали разные числа?

— Это очень просто,—сказала Женя,—только Иван Иванович не велел говорить. Это очень большой секрет. Его только тот может разгадать, у кого...

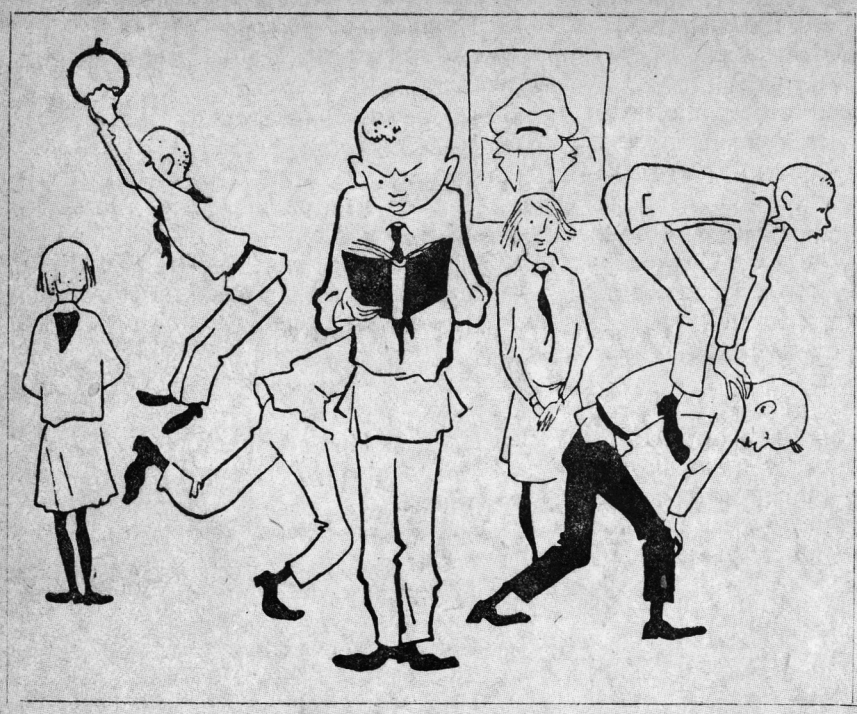
— Голова на плечах,—закончил Иван Иванович.

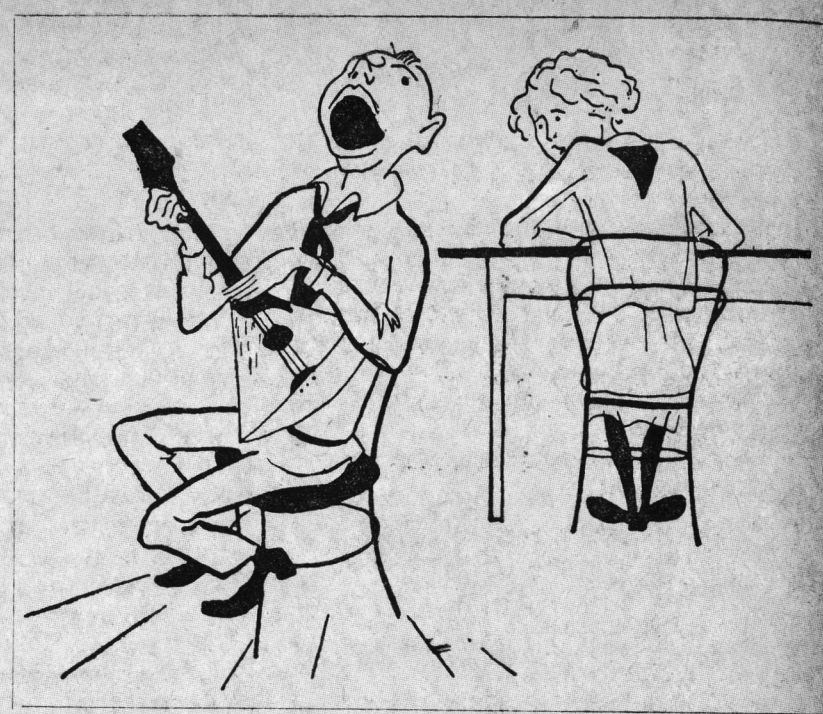


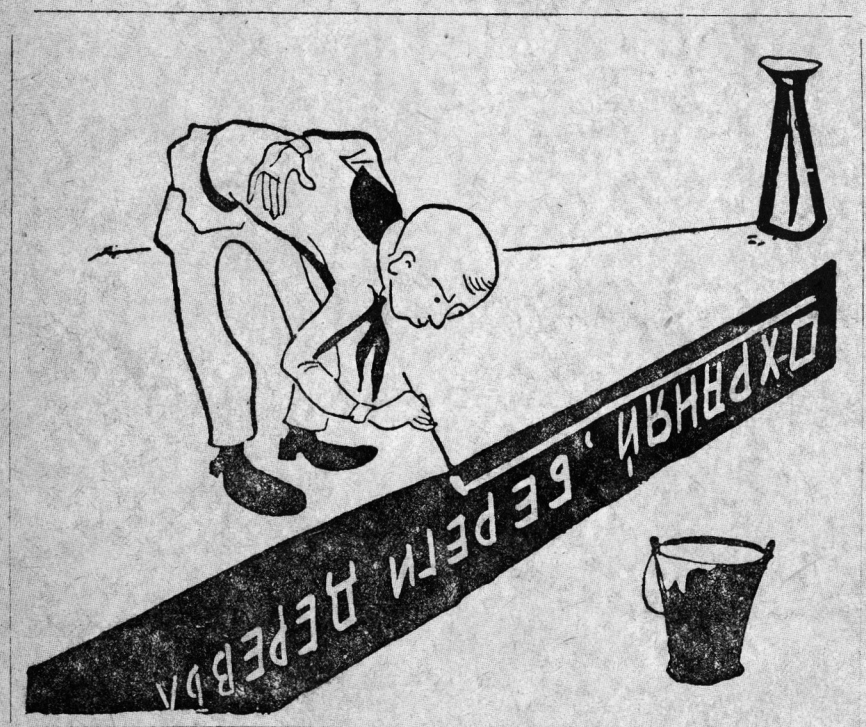
Женя взошла на кафедру. У нее был очень важный вид

в школе

после школы







Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“, сектор „Комсомольская правда“. Оформление **В. Коновалова.** Отв. ред. **Ел. Куйбышева.**
Сдан в набор 25/IX, подписан к печати 13/X. Изд. № 922. 135.000 п. з. 1 бум.
Уполномоченный Главлита № В—35091. Типография газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, д. 48. Заказ № 2216. Тираж 39.200.